

Максим Горький

Встреча

Максим Горький

Встреча

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=624025

Аннотация

Впервые напечатано в газете «Нижегородский листок», 1896, номер 321, 20 ноября, в разделе «Фельетон».

В собрания сочинений не включалось.

Печатается по тексту газеты «Нижегородский листок».

Максим Горький

Встреча

Набросок

– Сколько же отсюда вёрст до этой... как её?

– До Березянки-то? Верстов тридцать, поди... а то и с излишком.

Спрашивал высокий человек в бобровой шапке и длинной верблюжьей шубе, отвечал краснорожий, лысый мужик, низко подпоясанный по замазанному полушубку красным кушаком. Оба они стояли на крыльце постоянного двора, мужик, сняв шапку, вертел её в руках и, переступая с ноги на ногу, колыхал своим большим животом, ожидая, о чём ещё спросит его проезжий. А проезжий, медленно очищая от сосулек концы своих пышно убранных инеем усов, смотрел на снег, ослепительно блестящий на солнце, и задумчиво шурил большие, усталые глаза.

– Вёрст сорок, значит? – спросил он.

– А може, и сорок... В горницу пожалуете, али по деревне сделаете прогулочку?

Деревня состояла из двух десятков бугров снега, на ярком фоне его кое-где торчали закопчённые трубы печей, выглядывали тёмные углы крыш и стен, тускло смотрели стёкла кривых окон, а в одном окне разбитое стекло, заткну-

тое красной тряпичей, было похоже на громадный вытекший глаз. Бугры снега неподвижными белыми волнами лежали и на улице, лучи холодного солнца усеяли их миллионами остро сверкавших искр.

Проносился ветер и вдруг гасил их сияние, вздымая белые дымки, – но, потухшие на земле, они вспыхивали в воздухе и с шорохом исчезали куда-то. Было очень холодно, и изо рта проезжего дыхание вырывалось клубом белого пара прямо на лысину говорившего с ним мужика.

– Пойдём в горницу... А долго ждать?

– Самую малость... в полчаса время мы вас снарядим.

Радостно взвизгнул дверной блок, и красное лицо мужика озарилось счастливой улыбкой, когда он, распахнув дверь в сени, с тревогой и надеждой спросил:

– Самоварчик прикажете? Яички, молочко... колобашка пшенисная?

– Тащи, но, пожалуйста, брат, недолго возись...

– Живым манером... – И он скрылся с быстротой, совершенно непостижимой при его животе.

Проезжий сбросил с себя шубу, потом снял меховое пальто и остался в толстом сером костюме и в высоких, по колено, тёплых сапогах.

Лицо у него было полное, сытое, раздуманное морозом, прядь длинных волос упала на высокий лоб в тонких морщинах, глаза, большие и умные, смотрели задумчиво... Он, зевая, сел за стол и осмотрелся. Маленькая, оклеенная га-

зетной бумагой и листами какого-то журнала с картинками, комната представляла собой правильный четырёхугольный ящик. Давно немытый потолок был чёрен от копоти, а стены комнаты желты от бумаги, выцветшей и засиженной мухами. У стены стоял большой стол, выдвигавшийся до половины комнаты, по бокам его – лавки... Два окна освещали всё это. Пахло чем-то сложным и тяжёлым. Было тихо и убийственно скучно.

Проезжий закурил папиросу, встал со скамьи и начал ходить по комнате. Одно из тёмных пятен на стене привлекло его внимание своей странностью, – оно изображало девушку с букетом цветов в руках, поместившуюся на вершине дерева, одной с ней величины. Он подошёл поближе и увидал, что это склеены две разорванные картинки, – у девушки не было половины туловища, и дерево было подклеено как бы в виде продолжения девицы. Проезжий улыбнулся и стал рассматривать другие картинки. Одна изображала снимок с группы «Чичерровакио с сыном, расстреливаемый австрийцами», рядом с ней помещалось «Стадо бизонов в пампасах». Рядом с бизонами – портрет Тьера, но у Тьера было оторвано левое плечо, и вместо него к Тьеру подклеили «Берег реки Миссисипи». Было и ещё много подобных картинок, перемешанных с газетными листами, и один из них крупным заголовком гласил: «Х-ая Газета» номер 221-й 1867 года, августа 29-го дня...

Проезжий улыбнулся так, как улыбаются при встрече хо-

рошего старого знакомого, – с любопытством, с радостью и со смущением, вызываемым смутным чувством какой-то неловкости.

Он смотрел, улыбаясь, на заголовок жёлтого листа, будившего в нем воспоминания о прошлом, о дне, в который он впервые пришёл в редакцию этой газеты с первой своей рукописью, и о другом дне, когда эта рукопись под заголовком «За правду» явилась в фельетоне газеты. Почти тридцать лет прошло с той поры... Давно уже не существует эта газета, и очень недолго она существовала. Около неё группировались всё такие горячие головы и честные сердца, её редакция всегда представляла собой что-то вроде химической реторты, в которой из разнообразных явлений жизни вываривались статьи, полные убедительных выводов, в то время убеждавших. Всё, что творилось там, творилось горячо; сколько искренности, сколько молодой энергии кипело в этих людях...

Проезжий отошёл от стены и снова сел за стол, мягко улыбаясь своим воспоминаниям. Они будили в нём то же очищающее душу чувство, какое будят воспоминания детства. Он думал о том, что всё это было, да, и всё это было хорошо и честно, но он не забывал и того, что всё это теперь частью позабыто, частью осмеяно и что сам он далёк от настроения и идей того времени, когда он начинал жить. Он ныне – писатель для салонной публики, поставщик изящных новелл, жрец искусства, а не поборник направления.

Краснорожий мужик внёс большой ярко вычищенный са-

мовар. Самовар был чем-то разгневан – он шипел, бурлил, со свистом выпускал из отверстия крышки струю пара и, казалось, готов был соскочить со стола и куда-то бежать. Вся комната наполнилась звуками протестующего шёпота, и стёкла в окнах сразу запотели. Мужик вышел, потом внёс дорожный поставец проезжего, тарелку, на которой лежало с десяток яиц, горшок молока, хлеб. Потом он стал у двери и, поправляя кушак, вопросительно уставился на барина, а тот, задумавшись, не видал его. Мужик тяжело вздохнул и спросил:

– Идтить мне?

– Иди, – тихо сказал проезжий, не глядя на него. «Почему это в молодости жизнь всегда кажется такой простой и ясной?» – думал проезжий, поглядывая на стену. Самовар, как бы недовольный тем, что на него не обращают внимания, всё сильнее кипел и точно захлёбывался от негодования. Но человек, сидевший против него, всё более погружался в задумчивость.

Вспоминалось много, и всё это так славно трогало душу, овеивая её мягким дыханием ласки, явившейся из забытой дали. Тогда он жил в такой же вот грязненькой и маленькой клетушке, как эта, а рядом с ним жил один товарищ, человек стойкий до фанатизма и впоследствии дорого заплативший за эту стойкость. В том же доме жила и «она»... Теперь она его супруга, и скоро истечёт двадцать пять лет со времени свадьбы. Тогда она служила цензором его совести, источником его вдохновений, теперь... она его супруга, соединённая

с ним холодной привычкой друг к другу, образовавшейся за эти четверть века. Четверть века!..

Самовар положительно выходил из себя.

Теперь и тогда – какие эпохи! Одна – вся в ярких огнях, полная энергии, самозабвения, донкихотства, эпоха великих реформ, великих надежд, великих ошибок: трагическое и смешное, бодрое и мечтательное – всё перепутывалось в ней и всё было – крупно, по меньшей мере.

Теперь – туманно и серо, храмы пусты, боги забыты, души – нищи, иногда вспыхивает кое-где свет, но это блуждающий огонь, и вся жизнь, по меньшей мере, – мелочна и бедна.

Проезжий встал и, заложив руки за спину, опять подошёл к стене. Как попал сюда, в глушь, этот старый газетный лист? И проезжий стал читать его, улыбаясь ему. Самовар несколько успокоился и начал скептически посвистывать, где-то мычал телёнок и лаяла собака.

Снег хрустел под окном.

Маленькие буквы, порыжевшие, замазанные грязью, засиженные мухами, с большим трудом составлялись в слова и фразы, но эти слова, эти фразы были хорошо знакомы проезжему, и в ответ на них в его душе звучало что-то, давно-давно не ощущавшееся ею. Эта искренность и этот огонь, смелый огонь убеждения, которые вошли в плоть и кровь автора, – где это они теперь? Только у стариков, бойцов за свободу.

Отведя глаза в сторону, проезжий встретился с осколком

зеркала, прикреплённым гвоздиками к стене, и зеркало показало ему, что усы у него – седые и волосы на голове тоже сильно посребрены временем.

Ему стало неловко пред самим собой, и он, потеряв лоб, вздохнул. Да, он изменил, он холоден и бесстрастен к тем идеям, которые тогда были так близки ему и которым теперь нет места в жизни... Его ли это вина? Жизнь всегда сильнее человека. Сомнение вечно враждует с верой.

– Лошади-те готовы... коли что! – раздался голос мужика, заглянувшего в дверь.

– Хорошо... я сейчас, – отозвался проезжий. – Я выпью стакан и поеду...

– Да мне – как вам желательно, – возгласил мужик и скрылся.

В глаза проезжего бросился угол газетного листа. Он отклеился, свернулся в трубочку и как бы приглашал развернуть его. Проезжий так и сделал. Потом он согнулся и быстро выпрямился с красным от волнения лицом. На обороте страницы газеты был напечатан его фельетон, его подпись стояла на уголке. Ему сделалось и жалко себя и как-то радостно. Разве для того, волнуясь и горя, писал он, чтобы его трудом оклеивали стены постоянных дворов?

Плоды первых, самых свежих соков его мозга, плоды волнений лучших дней его юности... И в то же время он чувствовал что-то радостное, острое от этой встречи с самим собой, с тем человеком, которого он давно уже прожил, от

которого в нём, теперешнем, не осталось почти ничего.

«Хотя бы в форме фельетона, написанного более четверти столетия тому назад и оставшегося на грязном листе бумаги, заменяющей обои на постоялом дворе, – всё-таки приятно уцелеть, остаться в жизни», – говорило ему тщеславие профессионалиста. Но человек в нём был оскорблён. Он наморщил лоб, грустно усмехнулся и, подойдя к столу, стал заваривать чай.

Самовар меланхолично и тоскливо напевал о чём-то. Под окнами фыркали лошади.

Маленькая фигурка, с ног до головы окутанная в рваные овчины и тряпье, тяжело ввалилась в дверь и пискливо произнесла:

– Скоро поедете, ай нету?

– Сейчас... а что?

– Ничего мо... домой бы я сходил переобуться, ежели не скоро...

– Сходи... поскорее только, паренёк... – добродушно попросил проезжий.

– Ин схожу... А я не паренёк... мне, чай, уж под шесть десятков годов есть... А то ещё и больше... – объяснила фигура и вышла, прежде чем проезжий успел что-нибудь сказать ей.

«Что, если этот лист отклеить и взять с собой?» – подумал проезжий, прихлёбывая чай.

Но это показалось ему смешным и сентиментальным...

Зачем?.. А сколько хорошего связано с этим фельетоном, сколько мечтаний о борьбе и славе. Борьба была, и ею завоевана известность, материальное благосостояние, солидное положение в обществе – положение «нашего талантливое беллетриста». Не много... и не мало. Меньше того, о чём мечталось, больше того, чего достигли другие. Но достигнуто ли равновесие души, сознание честно выполненных задач жизни, гордость собой?

Самовар то вздыхал, то посвистывал и повизгивал, – очевидно, переживал что-то вроде агонии.

– Фёкла?! Где ты, чёрт, – раздался в сенях грозный окрик. – Иди-ка погляди, что телёнок-то наиграл!

И вслед за этим криком тишина вокруг проезжего стала как-то скучнее и тяжелей. Ему всё думалось; медленно и неотвязно кружились в его голове эти печальные думы. Давно не испытывал он ничего подобного, да и испытывал ли когда-либо с тех дней? Содержание их всё незаметно, капля по капле, просочилось куда-то вон из души. Жилось покойно, и довольство жизнью было. Он едет к старому другу, такому же успокоившемуся человеку, едет к нему отдохнуть от работы, поболтать о столичной жизни. У него было хорошее настроение до этого постоянного двора, где, по велению судьбы, он встретился с самим собой, с собой, в виде юноши-мечтателя... Что, собственно, написано, что сказано им в этом фельетоне?

Бросив пить чай, он отправился к стене и осторожно, с

озабоченным лицом стал отдирать от стены угол газеты. Бумага отстала немного и начала рваться. Проезжий остановился, склонился к жёлтому клочку... прочел его. Там было строк сорок крайнего газетного столбца да второго с краю строк пятнадцать.

Речь шла о каком-то Петре, который сказал «ей»: «Прощай, наши дороги разные! Ты жертва твоей среды и воспитания, тебе нет иной дороги в жизни, кроме паркета!.. А я...» – и, гордо махнув рукой вдаль, он, этот Пётр, исчез.

Проезжий задумался, потирая лоб. Кто этот Пётр, и кто она? Как они встретились? Весь фельетон тут, в одном номере, или нет? Наивный, детски прямой рассказ, написанный во время веры в возможность на земле всего хорошего. Но... он позабыл его содержание. Позабыл!

Проезжий конфузливо улыбнулся, подошёл к столу, одним глотком выпил чай и пошёл к двери. Но она сама отворилась навстречу ему, и пискливый голос произнёс, исходя из кучи овчин:

– Переобулся... буде что, можно ехать... Лошадки-те смёрзли...

– Сейчас оденусь... пошли хозяина.

– А я тут...

Краснорожий мужик весело улыбнулся, за ним стояла баба в сбитом набок платке и одним глазом смотрела из-за его плеча на проезжего.

– Сколько тебе? – спросил проезжий, надевая пальто.

– А сколько пожалуете... вы не наш брат, мужик, и не обидите. Я по совести с господ...

– Рубль будет?

– И рубль будет... – со вздохом сказал мужик. – К нам господу совсем даже не часто ездют... От трахту мы очень в стороне. Господа для нас – праздник...

Он говорил печально и с явным желанием прибавки.

Но проезжий, влезая в подаваемую им шубу, не слушал его ноющей речи и всё поглядывал на стену, где от движения воздуха колебался клочок отодранной им газеты.

Он точно манил к себе.

Вышли в сени. Мужик и баба сопровождали проезжего.

– Погодите... я ворочусь на минутку, – сказал он им и снова вошёл в комнату, прошёл к стене и, оторвав клочок газеты, смял его в руке.

– Ишь ты, какой запасливый, – шепнул краснорожий бабе, улыбаясь во весь рот. Проезжий подметил эту улыбку и нахмурился.

... Через полчаса он был среди широкой снежной пустыни, розоватой в лучах заходившего солнца. Заложённые гуськом лошади бойко бежали по извилистой мягкой дороге, маленькие санки подёргивало, и ямщик качался с бока на бок, говоря скрипучим своим голосом:

– Пареньком-то я был лет тридцать время тому. Н-но-но! Пряткие... А теперича я гробовой житель... н-да. Кабы был хлебушко... лежал бы я на пече... а вот еду... беднота пото-

му... У ты, убогая скотина!

Проезжий, стучаясь спиной о задок саней, старательно расправил клочок газетной бумаги и ещё раз прочитал его. Поднимался ветер, и с сугробов срывались кисейные ткани снега, летая в воздухе. Бумага шелестела в руках проезжего, смотревшего на неё с печальной улыбкой.

Тихо-тихо поскрипывал снег под полозьями саней и шуршал о рогожный верх повозки.

Проезжий медленно оторвал от клочка газеты маленький кусочек и пустил его по ветру.

Тот забился в воздухе, как жёлтый мотылёк, и исчез. За ним полетел другой, третий... и последний.